

Часть I

Цитадель

Глава I

Ясима

*В родных домах, где правил враг,
С чужим оружием в руках,
Мы сами превращались в прах,
Святыни наши — в прах.
Земля впитала нашу кровь
И не дала плодов.*

Песни Астолы, собранные и записанные Махирой Назир

Стучались, скорее всего, к моей двоюродной сестре, но копать могилы сегодня она не смогла бы.

Мое сердце на миг оборвалось, и я принялась торопливо убирать со стола свитки и книги — улики против меня. Завернула в старую дупатту* матери два тяжелых золотых браслета, благоговейно задержав на них пальцы, и спрятала обратно в жестянку из-под муки. Вряд ли за дверью были патрульные Цитадели с внезапным обыском — но это все же могли быть они, а им ни в коем случае не следовало знать, чем я занимаюсь под покровом ночи.

Но это оказался не патруль.

Как я и думала, на пороге стоял Баир. Глаза запавшие, взгляд мрачный, на плече — ржавая лопата, которую он, казалось, едва держал.

* Традиционный шарф.

— Сáfия сегодня копать не пойдет, — резко сказала я, поправляя очки и вглядываясь в мужчину сквозь темноту.

Мне хотелось поскорее от него избавиться. Времени на поски ключа от тайного хранилища и так было мало, а он его отнимал.

Услышав, что я сказала, он не переменялся в лице. Только покачулся — еще чуть-чуть, и упал бы. Синяки под глазами потемнели еще сильнее с тех пор, как я видела его в последний раз, а в дыхании слышалась хрипотца. Мне стало не по себе. Дело было не только в болезни.

Он был голоден. Он был истощен. Он был в отчаянии.

— Ты ел сегодня? — спросила я, хотя все во мне кричало: «Прогони его!» Я не могла пойти на такое предательство, равно как и не могла терять на это время.

Баир покачал головой. Глаза его забегали по кухне, словно он угодил в ловушку. Казалось, он без слов спрашивал меня: *«А что мне было есть?»*

Я оглянулась — убедиться, что бумаги и книги надежно спрятаны, — и снова посмотрела на него.

Этот темный, отчаянный взгляд меня сломил.

— Заходи, — кивнула я, закусывая губу.

Если в Цитадели узнают, что они с Сафией хоронят наших мертвых вопреки эдиктам, через час тут будет патруль. Цитадель — а значит, и вся Ангрезийская Империя — считает дикостью и мятежом то, что мы чтим астолийские традиции. Но если умерших не похороним мы, их сожжет Цитадель, а без положенных погребальных обрядов им будет закрыта дорога в загробный мир.

Поймай кто эту парочку — и, скорее всего, их казнили бы.

А у патрульных появился бы повод обыскать наш домик в деревне Гиншал на краю мангового сада — и найти не только следы нарушения запрета погребений. Они бы обнаружили и мои записи, и карты, ведущие к другим утраченным рели-

квиям фаз, которые я ищу, и мамины браслеты. В общем, готовый бунт.

Но Сафия лежала с жаром и головы поднять не могла, а Баиру одному не справиться: его сейчас и ветром сдует.

А значит, первым делом надо его накормить.

*Нани** станет ворчать, что я отдаю Баиру часть скудного пайка, который получаю на работе. Но, если он умрет у нас дома, хоронить придется еще и его.

К тому же мне, одной из немногих в деревне, за работу на Цитадель достаются лишние продукты. И я — одна из немногих астолийцев, допущенных к делам имперцев.

Я налила в щербатую миску жидкой чечевичной похлебки, дала ему лепешку с семенами горчицы. Баир смотрел на нее, будто на праздничный стол наместника. Я отвернулась, пока он ел. Во мне вскипала давно знакомая злость: до чего же изголодался!

— Спасибо, *хаз*** Ясима, — торопливо жуя, проговорил он, даже не задумавшись, нужно ли обращаться ко мне так почти-тельно.

Я поежилась.

— Просто Ясима, Баир. Мы же с младенчества знакомы. Он кивнул, но так и не посмотрел на меня.

После нескольких ложек его руки перестали дрожать. Я вышла в коридор, шагнула на циновку из пальмовых листьев, замерла перед комнатой сестры, выдохнула, приоткрыла дверь и шепнула в темноту:

— Сафия!

На кровати она казалась маленьким холмиком. Черные волосы, такие же непослушные и растрепанные, как мои, разметались по подушке. Ответом мне был хриплый лаю-

* Астол. нани — бабушка.

** Астол. хаз — уважительное обращение.

щий кашель — такой надрывный, что у меня самой заломило в груди.

Я уже дала ей толченый черный кардамон с медом, зава-рила слабенькую кахву* на последних крупичках корицы и им-биря. Но ей нужно было лекарство — то, которого у нас почти не было.

Выйти наружу с таким кашлем она никак не могла. И уж точно не могла выскользнуть ночью с Баиром, тайком похоронить тела, как того требует обряд, а потом вернуться домой незамеченной.

Придется сказать ему, что Сафия не сможет с ним пойти. Не сможет помочь односельчанам, которые отчаянно хотят похоронить своих мертвых, а не сжигать их, как требуют имперцы.

От этой мысли в груди заворочалось что-то тяжелое.

Могу ли я сделать это за нее?

Должна ли?

Я до сих пор ищу ключ к хранилищу фаз — ключ, который может все изменить для Астолы. Вернуть нам магию. Поймают меня за похоронными делами — и конец.

Пожалуй, это слишком безрассудно.

Одно дело — прикидываться, что не замечаешь, как Сафия посреди ночи выходит из дома. Притворяться, что не видишь, как она каждый раз закидывает лопату на плечо и в открытую нарушает запрет. И совсем другое — делать то же самое.

Это было у всех на виду.

Я всегда действовала в одиночку и почти не оставляла следов.

А о ночных делах Сафии знала вся деревня. Ее битва с Цитаделью была не такой значительной, как моя, но не менее опасной.

В голове зазвучали резкие слова сестры. То, что она сказала бы, попроси я ее совета.

* Ароматный пряный зеленый чай.

«Если я не присягала им на верность, я не изменница. Если они — захватчики, я не изменница».

Но сейчас Сафия, обессиленная, распростерлась на кровати и в лунном свете были видны бисеринки пота на ее лбу. Она снова закашлялась, содрогнувшись всем телом.

— Сафия, — позвала я негромко. — Баир пришел.

— Сейчас, — прохрипела она, пытаясь подняться. — Иду.

— Тебе нельзя выходить. Ты больна. Сегодня мертвые пождут.

Тяжелый влажный кашель сотряс ее тело, и я поморщилась.

— Нет, я должна. Другого времени не будет. Скоро патруль Цитадели найдет тело, и тогда мы не успеем его похоронить.

Слышать ее голос было больно. Смотреть, как она силится встать, — еще больнее.

«Другого времени не будет».

Каждую ночь я думала об этом же, когда склонялась над древними текстами и искала хоть какой-нибудь намек на местонахождение ключа.

Только его недостает, чтобы пройти через стену и попасть в мир фаз.

А там я наконец найду корону, способную разрушить стену окончательно. Верну магию на нашу землю. Остановлю голод, который губит наш народ.

Сафия села и покачнулась, словно теряя сознание.

Дыхание у меня перехватило, кулаки крепко сжались. Я знала, что должна делать, пусть мне и не хотелось. Иначе мне только и остается, что сидеть над древними текстами, сходя с ума в поисках реликвии, которую я ищу с тех пор, как ушла мать. Если не удастся попасть в древнее хранилище фаз, которое я нашла, то не удастся и добраться до реликвии королевы раньше Цитадели. Сколько времени я потратила на поиски ключа? И все впустую. А Сафия сейчас вот-вот упадет в обморок — прямо на пол...

За месяцы поисков я ни на шаг не приблизилась к тому, чтобы открыть дверь хранилища. И уж точно не открыла бы ее сейчас — за несколько часов до того, как Цитадель начнет раскопки.

На миг я закрыла глаза. Решимость окрепла, и с плеч словно гора свалилась.

— Я сама с ним пойду.

Сафия застыла, пытаясь встать, и заморгала, уставившись на меня:

— Ты? Но ты терпеть не можешь, когда я так делаю. Не выносишь, как и все, что нарушает правила Цитадели.

Я поморщилась, но в темноте сестра этого не увидела. Для всех я была примерной ученой: работала в архивах Цитадели, помогала откапывать магические предметы, которые давали Астоле магию жизни.

Даже Сафия не знала пределов моей измены.

Не знала о том, что я охотилась по ночам за реликвиями фаз. О том, что порой мне удавалось воровать их прямо из-под носа у Цитадели.

Потому что каждый такой предмет, вывезенный с нашей земли, был смертным приговором. Магия жизни пропитывала каждую корону, ожерелье, кубок, кольцо — любую реликвию, скрытую в земле. Она поддерживала жизнь в наших посевах и течение в реках. И каждый раз, когда Цитадель что-то выкапывала и отправляла императрице, умирали люди.

Все держалось на моей лжи: я — ученая на службе Цитадели. Я помогаю имперцам находить древние магические реликвии. Если бы выяснилось, что я предаю их, воруя золото фаз, досталось бы и Сафии, и *нани*.

Им все еще может достаться.

— Да, не выношу, — сказала я наконец. — Конечно, я волнуюсь, когда ты уходишь. И предпочла бы, чтобы ты не хоронила мертвых, раз Цитадель это запретила. Но ты не можешь идти, не в таком состоянии. А значит, пойду я.

Сафия прикусила губу. У нее на лице было написано, что она не хотела сдаваться.

Я невольно улынулась. Сестра будет бунтовать против Цитадели и на смертном одре. Но, к счастью, не сегодня.

— Сафия, — сказала я умоляюще, — обещаю, я ничего не испорчу. Но Баиру нужен кто-то, кто не грохнется, едва попытавшись поднять мертвое тело. Я надену твой плащ, и никто не узнает, что это не ты.

Похоже, это ее убедило. Она снова рухнула на подушки, пробормотала:

— Спасибо, Яс. — И опять закрыла глаза.

Я прикрыла дверь и с покорным видом вернулась к Баиру:

— Сегодня с тобой иду я. Вместо нее.

Он оторвался от миски с остатками похлебки, разинув рот от удивления:

— Цитадели это не понравится.

— Еще бы, — огрызнулась я. — Надеюсь, не узнают. Как бы то ни было, одному тебе не управиться.

В полутемной кухне это, возможно, прозвучало слишком резко. Я выдохнула, сдерживая раздражение. Баир не виноват, что Сафия заболела. Он не знал, что у меня были свои планы на сегодняшнюю ночь. Никто не знал.

И в том, что нам теперь приходится тайком хоронить мертвых по ночам, никто из нас не виноват.

Я сняла с крючка у двери темный плащ Сафии. Пора было отправляться на дело. Пусть я не хотела возражать Цитадели, давать повод усомниться в моей верности, навлекать на себя подозрения и рисковать раскрытием других тайн — но я была должна.

Иначе Цитадель сожжет тела, и души останутся неупоконными.

Как душа моего отца.

Хотя бы этих односельчан мы можем проводить в загробный мир по обряду.

Плащ у Сафии был добротный, купленный той зимой, когда Цитадель обнаружила редкий клад. Я как раз его исследовала — по должности — и надеялась первой добраться до реликвии. Но не вышло. Я была вне себя от ярости, когда не удалось украсть изящную золотую тику*, вдыхавшую жизнь в наши рисовые поля. Цитадель нашла ее, отправила императрице — и пышные поля высохли за пару месяцев. Магия жизни исчезла.

Мне хотелось кричать, когда нас, ученых, поздравляли и награждали деньгами. Имперцы, похоже, не понимали, какой урон наносят Астоле каждый раз, забирая реликвию фаз.

А может, им было все равно.

— Волосы спрячь, — хрипло, но твердо произнес Баир.

Я подняла на него взгляд и увидела, что щеки его залил румянец. Он даже выглядел здоровее, чем в последние несколько лет.

— Приметные они у тебя, — пробормотал он, неловко махнув рукой в мою сторону, переминаясь с ноги на ногу и отводя глаза.

И правда, мои кудри не спутаешь с гладкими прядями Сафии. Я провела пальцами по завиткам, пытаясь усмирить их, поморщилась, запихивая волосы под плотную ткань, но толку вышло мало: они не желали слушаться. Пришлось заплести косу, перекинуть ее через плечо и заправить под плащ.

Этой ночью меня никто не должен был раскрыть.

* Традиционное головное украшение.

Глава 2

Киян

Сегодня я убил человека — и не жалею.

Что значит одна смерть, когда стоишь на горе трупов?

Из неотправленного письма Кияна родным

Она должна быть здесь. Я перерыл всю комнату, проверил все книги, вывернул каждый ящик, а карты не было. Зачем понадобилось прятать ее так, чтобы даже собственная семья не обнаружила? Я провел рукой по волосам, откинувшись в кресле. Если карты дороги к хранилищу древней королевы Азари нет здесь, в маленькой заброшенной дворцовой библиотеке, то где она вообще может быть?

А если Наместник раньше меня доберется до короны, наш двор будет уничтожен.

Я бросил взгляд в окно, на возвышающуюся вдали гору.

Тирих-Мир нависал над Речным Двором, напоминая нам о том, что мы потеряли. Гора, где есть потайная дверь. Где внутри Золотого дворца заперта королевская семья, которая ждет, когда ее найдут.

— Разве ты не должен отслеживать бунтовщиков, мальчик? Что-то неважная из тебя ищейка, несмотря на репутацию.

Я дернулся, отрывая взгляд от Тирих-Мира. Генерал Фейсал проскользнул в комнату, поднял листок, попытался прочесть, нахмурился и швырнул бумагу в сторону.

Взгляд мой упал на письмо — донесение с передовой на языке Соляного Двора. Фейсал, скорее всего, даже читать не умел.

Я фыркнул про себя и, пряча усмешку, спросил:

— Чего тебе нужно, Фейсал?

— Уже обиделся? Нет бы порадоваться, что я вернулся.

Генерал обогнул кресло, подошел ближе и остановился, прислонившись к деревянному столу. Судя по выражению его лица, он явно выжидал, пока я спрошу, почему он здесь, почему не сражается за Соль в войне против других дворов пери.

Я прищурился — и, поддавшись на провокацию, задал этот вопрос.

— Потому что, — ответил он, — тебе нужна будет помощь, чтобы казнить всех мятежников, которых ты когда-то называл друзьями.

Я вдавил пальцы в дерево так сильно, что удивился, почему оно не треснуло пополам, но сохранил на лице непроницаемую маску. Мне нельзя было выдать себя: от этого зависело все.

Вместо этого я медленно встал, растянул губы в выверенной улыбке, оперся руками о стол, подался вперед — и, словно меня нимало не заботил весь мир, сказал:

— Ходят слухи, что бунтовщики пытаются вызволить королевскую семью.

От лица генерала разом отхлынула кровь, и я едва удержался от смеха: как бы устрашающе Фейсал ни выглядел, у него не было ни силы, ни власти противостоять Речному Двору всерьез. И он об этом знал.

Я наклонил голову, скрестив руки на груди.

— Пытаюсь выяснить, откуда пошли слухи и есть ли в них хоть доля правды. Последнее, что тебе нужно, — чтобы королевская семья сбежала из Тирих-Мира и разрушила *мир*, который ты так тщательно создавал. — Я сказал это легко, насмешливо, на грани того, что мог себе позволить.

— Не... невозможно. — Фейсал отступил на полшага, в голосе его слышалась паника. — Они заперты в проклятом дворце магией покойной королевы Азари. Если бы кто-то узнал, как найти и открыть дверь, Наместник бы давно убил их!

Я кивнул, не меняясь в лице:

— Именно это нам и нужно. Так что, если у мятежников есть способ вернуть королевскую семью, мы должны о нем узнать.

Голос прозвучал торжественно, хотя сердце колотилось в груди так громко, что, казалось, вот-вот вырвется наружу.

Мы должны узнать, чтобы я добрался до них первым.

В груди привычно кольнуло при мысли о том, что мои родные наконец выйдут на свободу из Золотого дворца в горе Тирих-Мир.

При мысли о том, что мы вернем себе все.

О том, что больше не придется охотиться на пери собственного двора и казнить их.

— Это невозможно, — повторил генерал, качая головой. Краска на лицо так и не вернулась. — Там проклятие. Тирих-Мир так же неприступен, как Речная стена, отделяющая от нас людские земли.

— Нет ничего невозможного, — пробормотал я себе под нос то, что повторял все эти годы.

«Нет ничего невозможного».

Я пошел мимо Фейсала, но он окликнул меня — уже не испуганным тоном, а обычным, омерзительно самодовольным:

— Чуть не забыл сообщить. Ты нужен в подземельях.

На его губах промелькнула счастливая улыбка, и я замер. Внутри что-то оборвалось.

Генерал Фейсал был способен радоваться только чужой боли.

Значит, в подземельях меня не ждало ничего хорошего.

Взгляд мой скользнул к его горлу. Вот бы сейчас приказать шипу с розы на столе перерезать ему глотку!

Убить цветком. Фейсалу бы подошло.
— Почему? Там нет новых узников.
Я знал каждого. И для каждого у меня был план побега.
Его масляная улыбка расплзлась шире.
— Мы поймали тебе еще парочку.

* * *

Я шагал к подземельям по коридорам Речного дворца быстро, но размеренно. Генерал пыхтел сзади, пытаясь за мной угнаться.

Настоящих мятежников он поймать не мог: я все предусмотрел и обо всем позаботился. Мои стражники были преданы мне, а в конечном счете — Речному Двору. Они никогда не позволили бы человеку из «Красного жасмина» попасть в руки соляных солдат. В этом не могло быть сомнений.

Но, добравшись до подземелий, я остановился как вкопанный.

Двое мальчиков со связанными за спиной руками стояли на коленях на каменном полу, склонив головы. Их держали не в камерах с остальными узниками, а прямо здесь, в главном зале. Свет, просочившийся через окошко в углу подземелья, выхватывал слезы на их щеках и кровь на губах.

Им было не больше тринадцати: руки и ноги еще нескладные, слишком длинные для этих тел. У одного волосы подлиннее, чуть ниже затылка, у другого голова бритая, будто выскобленная лезвием так, что видно все жутковатые бугры черепа. Порезы и синяки на руках и шеях детей говорили о том, что их уже пытали. Один едва держался, трясась от боли.

Генерал вошел в подземелье следом за мной и прислонился к двери.

Я дышал через нос, сжав руки в кулаки. В крови вскипала ярость.

— Чья работа? — тихо, угрожающе спросил я.

— Моя, — ответил Фейсал, ковыряя в зубах ногтем. — Их поймал патруль, когда они пытались призвать народ к мятежу. Пришлось слегка потрудиться, но настоящее дело я все же оставлю Наместнику.

В его словах звенел смех, и я едва сдержался, чтобы не оскалиться.

— Это *дети*, — сказал я с пренебрежением. — Они ничего не знают о повстанцах.

— Разве ты сам не был ребенком, когда принял сторону Наместника Резы? Мальчишки тоже могут воевать. Предавать. Нападать на наши войска. Давай без соплей, пес.

Я даже не взглянул на него:

— Наместник поручил разбираться с повстанцами *мне*. Уверен, у тебя найдутся дела поважнее, учитывая, что Соль сейчас воюет со всеми остальными дворами пери.

Я скрестил руки на груди, пытаясь унять ярость в голосе.

Будь моя воля, оторвал бы генералу голову и сбросил тело в Реку.

Не рискуй я навлечь его убийством проклятие на всех остальных пери моего двора, мерзавец был бы мертв уже много лет назад.

— В последнее время у нас есть кое-какие успехи, — сказал Фейсал с самодовольной усмешкой; его голос отдавался эхом от каменных стен подземелья. — Хотя ничто не сравнится с тем, как пал Речной Двор. Соль воде не одолеть, — произнес он, и воздух между нами сгустился от напряжения.

«Соль воде не одолеть». Я вздрогнул, услышав эту мантру, которую постоянно повторяли солдаты Соляного Двора.

Зубы генерала блеснули в мерцающем свете факелов. Я снова вспомнил тот день, когда они пришли. Снова увидел каблук его сапога на отцовском лице. Услышал смех Наместника — прямо перед тем, как отцу перерезали горло.

«Беги, Киян. Беги».

Последние слова, сказанные мне перед тем, как отца забрали. Перед тем, как проклинали его, отняли молодость, магию, воспоминания, лишили способности говорить и узнавать меня.

И я, трус, послушался и побежал.

— Кроме того, мне захотелось сегодня самому замарать руки. — Фейсал разжал и сжал пальцы перед собой, возвращая меня в подземелье Речного дворца.

Я побежал, но далеко не ушел.

Мои кулаки сжались. Я скорее отрублю его лапы, чем позволю снова тронуть этих мальчишек. Но дело не только в них. Дело в их семьях, родных, знакомых. Фейсал держал бы их в живых, пытал бы, пока не выдадут сестру, брата, бабушку. Так они и оправдывали то, что убивают нас.

Мы — ужасные дикари. Они — цивилизованные миротворцы.

Я посмотрел на окровавленных мальчишек — живое свидетельство *цивилизованности* Соляного Двора.

— Тем не менее, если они что-то знают о «Красном жасмине», выяснять это следует *мне*, — прорычал я сквозь зубы, пытаясь сохранить самообладание.

— Правда? Отлично. Я как раз в настроении посмотреть.

— Зрелище будет не по твоему вкусу, — мрачно усмехнулся я.

Он вскинул бровь, словно бросая мне вызов.

— Я так и подумал. Особенно зная, *насколько* хорош в этом деле Наместник. Он выпотрошит их разум прежде, чем они успеют позвать мать.

Оттого что он снова упомянул Резу, внутри у меня все сжалось. Наместника ждали не раньше чем через несколько недель, и мне не хотелось бы, чтобы он участвовал в охоте на повстанцев. Пусть защищает империю Соляного Двора подальше отсюда.

Но нескольких недель под пытками Фейсала мальчики не выдержат.

Генерал оттолкнулся от двери и зашагал прочь из подземелья, бросив напоследок:

— Только не церемонься! Если они доросли до того, чтобы сражаться, то доросли и до того, чтобы понести наказание за измену. Невинных в Речном Дворе все равно нет. Вы все виновны с рождения.

Кровь вскипела огненной рекой в венах, но я ничего не ответил. Пусть язвит сколько угодно — внимания не дождется.

Я ждал, пока Фейсал не уйдет. Пока солдаты Соляного Двора не покинут помещение по моему кивку. Пока не останутся только мои стражники. Я взглянул на них, и они повернулись спиной к нам.

И тогда остались только я и двое детей, которым не повезло оказаться в неправильное время в неправильном месте — на земле, больше им не принадлежащей.

Я опустился на колени, даже сквозь штаны ощутив холод подземелья.

Мальчик с длинными волосами смотрел в пол, но второй взглянул прямо на меня — и сожаление сдавило мне грудь, когда я увидел вызов, вспыхнувший в его глазах.

Генерал их видел. Пытал. Помочь им сбежать было не в моих силах: оставляя их в живых, я подверг бы других угрозе. Оставалось только даровать им быструю смерть.

Магия прилила к кончикам моих пальцев, земля под камнем откликнулась на зов, и из нее пробилась зеленая лоза, выпустив шип — острый, смертоносный. Тонкий росток превратился в толстый жгут, обвивший решетку ближайшей камеры.

— Прости, — сказал я бритоголовому мальчику. — После того, что он с тобой сделает, ты сам не захочешь жить.

Шип вонзился в его сердце и насквозь пробил грудь прежде, чем он успел ответить. Лоза отступила, мальчик обмяк и упал на меня. Я опустил голову ему на плечо.

Слезы давно выжгла ярость.

Затем я обратился к стражникам.

— Найдите родных, пусть похоронят. Если понадобится — переселите. Им лучше уехать из Чарвеллана до того, как генерал узнает, что мальчик умер.

Стражники кивнули и, забрав с собой тело, ушли выполнять приказ.

Я повернулся ко второму.

Лоза застыла в воздухе, ожидая команды. Парнишка дрожал, рыдал, волосы упали на лицо.

— Прости, — повторил я. Хорошо, что он не смотрит в глаза.

Когда не смотрят, легче.

Но не успел я призвать магию, как рука мальчика метнулась вперед, схватив мое запястье.

— Ваше высочество, — прохрипел он, и я отшатнулся.

— Что...

Давно ко мне не обращались так почтительно.

— О чем ты? — требовательно переспросил я. Никто не должен был знать, кто я на самом деле. Я слишком тщательно это скрывал.

— У меня послание для вас, — продолжил он, будто не услышав вопроса. — Я пытался его доставить, когда нас схватили. Двоюродный братец был неосторожен, вот нас и поймали.

— Кто передал тебе послание?

— Чурайль.

Я насторожился при упоминании ведьмы. Их в Речном Дворе почти не осталось: большинство сбежали, когда Соляной Двор захватил наши владения.

— Она сказала, что проклятие горы Тирих-Мир падет, когда отыщется корона королевы Азари. И дала мне это.

Мальчишка пошарил в поясе штанов, нащупал потайной карман — и вытащил маленькое золотое кольцо.

Я прищурился. Это походило на ловушку. Впрочем, знай Наместник, что к чему, я бы давно испытал его гнев на себе.

Нет, Реза ни при чем.

Правда, это не значит, что здесь нет подвоха. Ведьмы сыграли свою роль в войне между Солью и Рекой, так что я не доверял ничему, что они могли дать.

И почему чурайль не явилась сама?

Но когда я услышал о короне, сердце чуть не остановилось.

Если ведьма могла привести меня к *ней*, риск того стоил.

— Где эта чурайль?

И кто она?

— Она встретила нас с двоюродным братом на базаре в Чарвеллане. Велела передать вам, что ей приснился сон: вы принц, который вернется — и вернет нам нас. Вы избавите Речной Двор от Соляного. Вы освободите королевскую семью из Золотого дворца в Тирих-Мире.

Казалось, земля ушла из-под ног.

Не может быть, чтобы какая-то ведьма знала обо мне столько, сколько знают лишь немногие избранные из «Красного жасмина»!

Мальчик поднял голову — и в его глазах блеснуло что-то, вовсе не похожее на ужас. Вот почему он раньше не смотрел мне в лицо! Не потому, что боялся выказать страх, — потому, что боялся выказать благоговение.

Мне хотелось встать, уйти из подземелья, сбежать от его взгляда, полного надежды. И в то же время хотелось рассказать ему обо всем, что я был вынужден делать с пери нашего двора, — и обо всем, что еще только предстояло.

Но я не мог отвернуться.

— Вы вернете нам нас? — тихо спросил парнишка.

Я закрыл глаза и пробормотал:

— Я пытаюсь.

Что делать с посланием, было все еще непонятно. Внутри ворочалась тревога.

— Откуда эта чурайль знает про меня?

— Не знаю. Может, сбежала из Золотого дворца? — с надеждой сказал мальчик.

Я покачал головой:

— Невозможно. Никому не удавалось снять проклятие с Тирих-Мира с тех пор, как его наложили. Магия королевы Азари непреодолима, даже если кто-то сумеет найти вход.

Фейсал говорил так же. Я поморщился — походить на него не хотелось совершенно, — но в голове эхом отдавались сомнения.

Все попытки снять проклятие были тщетны. Мои родные отправились в Золотой дворец в горе Тирих-Мир за могущественным оружием королевы Азари. Никто не вернулся.

Но я не позволю генералу Фейсалу или Соляному Двору указывать мне, что делать.

И не позволю своей семье гнить в Золотом дворце до конца времен, даже если придется занять ее место.

Услышав мои слова, мальчик поник. Что-то всколыхнулось у меня внутри — остаток способности сопротивляться? Желание быть достойным его надежды?

— Но я его сниму, — тихо продолжил я, удивляясь собственному признанию. Странно было произносить это вслух: я будто приблизился к чему-то, до чего раньше не мог дотянуться. Будто слова сделали это *возможным*.

— Я знал, что чурайль не соврала, — благоговейно произнес мальчишка. Он протянул мне кольцо, и я взял его не глядя.

— Тебе нельзя оставаться в живых. — сказал я, увидев, как засияли его глаза. Ужас сдавил мне грудь, пока лоза ползла по телу паренька вверх, к цели. — Если Наместник доберется до тебя, — продолжил я, не отводя взгляд, хотя отчаянно хотел этого, — он выкачает все твои воспоминания и обратит твой разум против тебя самого. Заставит предать соседей, друзей. Будет пытаться всю твою семью.

Я уже видел подобное — и не раз. И никогда не мог это остановить.

Пока не мог.

— Мне не удастся тебя вытащить. Родных твоих — да. Тебя — нет.

Не удастся, если я хочу остаться в Речном дворце и не выдать себя.

Мальчик серьезно кивнул.

— Буду жить в Реке, как древние пери, — прошептал он перед тем, как шип вошел в его сердце.

Я сжал кольцо в кулаке — золото впилося в ладонь. Тело парнишки осело на пол, и ярость захлестнула меня.

Соль водой не одолеть. А вот утопить... возможно.

Глава 3

Ясима

Строго говоря, туземцы — тоже люди, хотя по ним и не скажешь. Они зарывают покойников в землю, где те гниют и отравляют почву. Они едят руками, лечатся зернами и травами, а главное — святоотечественно поклоняются магии жизни, коей пропитаны древние реликвии фаз, разбросанные по всей Астоле. Право слово, это настоящие дикари.

Генри Уилтшир, «История Астола»

Мы брели в ледяной ночи. С каждым днем холодало сильнее: лето в Астоле подходило к концу. Это означало одно: Империя заберет еще больше от жалкого урожая, который удастся вырастить, а нас еще больше обложит налогами.

Люди начнут терять надежду.

Я сжимала в руках ржавую лопату и старалась не думать о голодном взгляде Баира, о том, как жадно он вдыхал запах моей чечевичной похлебки.

Наверное, надежду мы *уже* потеряли.

Тем больше у меня было причин продолжать искать путь через Реку, путь сквозь стену, в мир фаз.

Цитадель выкапывала реликвии одну за другой и отправляла императрице, а голод в Астоле с каждым разом становился все страшнее. Но Империи было наплевать, что происходит с людьми, если отобрать у них всю магию жизни.

А значит, мне нужно было найти способ остановить это. Разрушить стену между миром фаз и миром людей, чтобы вернуть магию нашей земле.

Иначе мы все умрем.

Но сейчас я не могла об этом думать. Как и о том, что утром Цитадель отправится за очередной реликвией фаз.

За той самой, которую я искала месяцами. *Годами*. Вместо этого я хоронила тех, кого уже забрал голод. Тех, кого уже отняла у нас Империя.

Баир вел меня знакомой тропой, мимо больных деревьев в манговом саду, обратно к деревне.

Час был еще не такой поздний, чтобы все спали, но на улицах мы никого не встретили: Цитадель ввела комендантский час, чтобы не было беспорядков. Нам не попалось ни одной похоронной процессии, ни одной любопытной тетушки, решившей посмотреть, что мы делаем.

Страх перед Империей был слишком велик.

На дома опустилась жуткая тишина. Немногочисленные газовые фонари, которые поставила Цитадель, едва светились. Никто не хотел привлекать внимание: стражники могли в любой момент начать патрулирование. Начать искать мертвых, чтобы сжечь. Живых, чтобы избить. Повстанцев, чтобы казнить.

Баир и я, разумеется, считались бы повстанцами: мы хоронили умерших, а значит, нарушали закон, который действовал со времен последнего восстания, того самого, во время которого вместе с другими расстреляли моего отца. От одной мысли об этом я почти застыла на месте, ноги отказывались повиноваться. Только силой воли я заставила себя идти за Баиром по пустынным улицам, полным тишины и страха. Останови нас патрульный, и перед карающим взводом оказались бы уже мы. Тем более если попадемся безоружными.

— Баир, ты взял винтовку? — Мой приглушенный голос в ночной тишине прозвучал как удар в литавры.

— Я ее несколько месяцев назад на еду сменял, — фыркнул он и оглянулся на меня с любопытством. — Наши не станут нас трогать, если ты об этом.

— Дело не в наших. — Я покачала головой, жалея, что не додумалась захватить ружье *бабы**, спрятанное у *нани* под кроватью.

Баир долго молчал. Мне уже показалось, что он так и не ответит.

— Ты бы не стала стрелять в солдата Цитадели, Ясима. Как и я.

Я крепче сжала лопату.

Он был уверен, что я не стану отбиваться. Он не знал, какая ярость кипела у меня внутри, понятия не имел, что я *уже* сделала, чтобы помешать Цитадели, на какой риск уже пошла.

Я выдохнула. В холодном воздухе поднялось облачко пара. Смогла бы я застрелить солдата?

Даже спустя столько времени я не знала, хватит ли мне храбрости открыто пойти против имперцев, как *баба*. Мой бунт таился в тених, в залах хранилищ фаз, глубоко под землей.

Но последние слова отца перед казнью все еще преследовали меня — и именно поэтому я продолжала под покровом тьмы бороться против Цитадели.

«Продолжай сопротивляться, Ясима. Сопротивляйся любым способом, каким можешь. Если они накажут нас за это, накажи их в ответ».

Баир остановился перед ветхим домом на краю деревни. Камень стен крошился, словно край утеса, источенного волнами.

— Здесь? — выдохнула я, узнав дом. Ужас шевельнулся в животе и начал разрастаться, будто вокруг моего тела обвились черные щупальца.

— Да. Тот, кто здесь жил, покончил с собой.

* *Астол*. баба — отец.

— Гассан Джавед? — задохнулась я, отступая на шаг.
— Ты его знала? — Баир нахмурил брови и уставился на меня.

— Да... я... он работал в Цитадели.

Гассан был одним из немногих астолийцев, дослужившихся до археологов. Потом его уволили. Заявили, будто он что-то украл, и выгнали.

Многие из тех, кто трудился в Цитадели, смотрели на него с восхищением, особенно после всего, что он сделал, чтобы облегчить нам работу.

— Не могу поверить, что он свел счеты с жизнью, — прошептала я, глядя на разваливающийся домишко. Горечь пробрала меня до костей. Он умер один. Наложил на себя руки. Тот Гассан, которого я знала, не стал бы так делать.

— Тяжело приходится, когда Цитадель ставит на тебе клеймо, — пробормотал Баир. — Его никуда больше не разрешили брать, вот он и не вынес голода.

В груди у меня стало пусто, словно сердце вырвали. Я вспомнила, как улыбался Гассан каждое утро в архивах Цитадели, как он махал мне рукой, когда проходил между книжными стеллажами.

А теперь он умер.

Гнев и горе пульсировали в моих венах. Я думала о том, какими были последние дни Гассана, какое отчаяние довело его до такой кончины.

Те, у кого не было пайка, получали крохи: только овощи с хиреющих огородов да молоко от тощих коз. Цитадель контролировала и скот, и торговлю, и урожай, а императрица забирала у нас все больше и больше. Прошлой зимой я наткнулась на тела двух астолийцев, умерших от голода. Их бросили гнить прямо на улицах у Цитадели. Я изо всех сил старалась не смотреть на их вздутые животы и торчащие ребра. Сердце кололось от ярости, руки тряслись так, что пришлось спрятать их в складки форменной юбки песочного цвета.

В ту ночь я не спала.

Я направила эту ярость на то, чтобы остановить медленное иссякание магии жизни, — и принялась искать спрятанную реликвию фаз, которую Цитадель разыскивала больше года.

И я ее нашла.

Пригодился дневник матери, где она подробно рассказала об истории фаз в Астоле, о картах, которые откопала в архивах. В собранных и записанных ею народных песнях тоже были кое-какие подсказки. Так мне и удалось найти украшенный золотой кубок с древней надписью фаз, вырезанной на дне. Он был спрятан в маленькой пещере в низкогорье, там, где Цитадель еще не искала. Сердце мое разрывалось на части, когда пришлось уничтожить хранилище фаз, чтобы казалось, будто здесь побывали обычные грабители. Кубок я потом закопала у Реки, и над землей пробились новые всходы, а потом в соседней деревне собрали небольшой урожай лука. Это и был первый раз, когда я украла реликвию у Империи и вернула своему народу.

Но мой гнев чуть не погубил меня.

Цитадель в конце концов нашла тайник. Хотя следы я замела, охрану все равно усилили, когда обнаружили пропажу.

Старшие археологи так стояли над душой у ученых, что мне пришлось стать осторожнее и вести тайные исследования по ночам у себя в спальне, при свете свечей, а не украдкой в архивах. Но это, наверное, было и к лучшему: я знала, что за мной, дочерью казненного повстанца, до сих пор следят. Такой, как я, нельзя было до конца доверять, несмотря на работу в Цитадели.

Это было началом моего маленького сопротивления, моим способом сохранить то, что у нас отнимали. И все же этого было недостаточно.

А сейчас я смотрела на дверь дома Гассана, жалея, что не знала о его судьбе, что не смогла предотвратить его гибель.

Дрожащей рукой я попыталась повернуть дверную ручку, но та не поддавалась.

— Заперто. — Я взглянула на Баира. — Откуда ты знаешь, что он там?

— Соседи несколько дней ничего о нем не слышали, потом заглянули в окно. Сообщили мне, как только смогли. Знали, что нам с Сафией нужно действовать быстро, провести погребальные обряды, пока патруль Цитадели не нашел тело и не сжег его. — Баир нахмурился, пытаясь заглянуть в переднее окно. — Обойду дом, посмотрю, может, есть другой вход.

Он направился к другой стороне дома, а я все еще смотрела на дверь. Пальцы зачесались, едва коснувшись замка.

Я могла легко отпереть его, только Баир об этом не знал.

Я та, что находит потерянное. Та, что открывает тайны.

Голос матери раздался во мне, подбадривая, словно легкий свежий ветерок в жаркий день. Я дождалась, пока Баир скроется из виду. Нужно было убедиться, что он не увидит.

«Никогда не позволяй им использовать твою магию».

В памяти всплыло то, о чем я и так думала слишком часто. Тот день после казни отца, когда моя сила проявилась впервые. Амма* отчаянно пыталась найти его последнее письмо — то, что он написал нам, перед тем как его схватили.

Не в силах отыскать его, она опустилась на колени посреди кухни и зарыдала, скребя пальцами холодные плитки пола. Видеть ее, всегда спокойную, такой было невыносимо. И во мне что-то пробудилось. Золотые нити сорвались с кончиков моих пальцев, хлынули из рук, заполонили весь наш домишко и сплелись вокруг трещины в стене, у дивана. Мать, перестав плакать, села на полу. Мы обе смотрели, как струи силы текут по комнате, окружая нас. Что-то потянуло меня за ними — и привело к тайнику рядом с потертым топчаном, где лежало отцовское письмо.

В тот день амма и запретила мне делать что-то подобное при людях.

«Никогда не позволяй им использовать твою магию».

* Астол. амма — мать.

Нежный голос Махиры Назир зазвучал в памяти, как одна из записанных ею песен. Она знала, что Цитадель сделает с такой силой. Мне пришлось бы из-под палки искать для них реликвии фаз, пока не осталось бы ни одной.

После того дня мы с матерью не раз экспериментировали. Выяснили, что я могу открывать простые замки и решать головоломки, а вот сложные тайники или тяжелые запоры мне не поддавались: находилось только то, что было поблизости от меня. Но когда *амма* ушла, я перестала ставить опыты в своей маленькой спальне и начала пользоваться силой, чтобы находить реликвии — те самые, что Цитадель так отчаянно стремилась отправить императрице.

Теперь магия должна была помочь мне найти мертвеца.

Баир ходил вокруг дома, искал другой вход. Этак мы скоро привлечем внимание патрульных...

Я помедлила еще мгновение, потом решила и приложила ладони к деревянной двери.

Сила поднялась на поверхности, потекла под кожей, словно речная вода. Золотые нити проникли в скважину, темнота отозвалась тихим звоном, замок щелкнул, и дверь открылась со звуком, подобным сильному вздоху.

Стоило призвать магию — и остановить ее стало непросто. Она текла, как вода из незакрытого крана, перехлестывающая через край ванны. Она хлынула сквозь щель в приоткрытой двери, и тонкие золотые нити выталкивались из меня, словно блестящая паутина. Я качнулась вперед, задыхаясь. Слишком много времени прошло с тех пор, как я в последний раз зывала к своей силе: она рвалась наружу, жаждала освобождения. Оставалось только последовать за ней. Я толкнула дверь и оказалась в развалюхе Гассана. Что-то зацепилось за волосы. Быстро оглянувшись, я увидела над входом связку сушеного дурмана и листьев орешника. Гиншальцы часто использовали их, чтобы отгонять ведьм и гулей, не дать злым фаз войти в дом. К счастью, я была человеком.

Ноги сами понесли меня через порог, в гостиную.

Воздух внутри был холодным, пахло затоптанной землей. Не свежей влажной почвой и новыми ростками, а той землей, что лежит на дне заброшенных погребов и полуразвалившихся сараев. За этим запахом уже начинала проступать сладость гниения. Гораздо хуже, чем в просто заброшенном доме.

В доме творился хаос: книги на полу, бумаги разбросаны повсюду, одежда изорвана, посуда разбита. Вряд ли Гассан учинил все это сам: на моей памяти он всегда был тихим и аккуратным. Ему совершенно не было свойственно держать дом в беспорядке. Похоже, здесь кто-то что-то искал. Может, еду? Ценностей в такой хибаре явно не найти.

Золотые нити моей магии все еще струились в воздухе, расходились по комнате спиралями и собирались воедино над чем-то лежащим в углу.

Над телом.

Нет, не просто над телом — над Гассаном. Над человеком, с которым я беседовала в архивах, делила обед, которому махала рукой на прощание в конце рабочего дня.

Желудок скрутило от ужаса, к горлу подкатил ком. Я знала этого человека живым. Теперь мне придется его хоронить.

Я махнула рукой, отгоняя яркие магические нити, все еще висевшие в воздухе. Они рассеялись, как облако мерцающего тумана. Надеюсь, свет в домишке горел недолго и Баир ничего не заметил...

Я опустила руки, расправила плечи. Голова слегка кружилась, как всегда после того, как я колдовала.

— Баир, — позвала я, пытаюсь стряхнуть это ощущение. — Я вскрыла замок.

Он появился из-за угла, и его лицо, на котором отражалось облегчение, показалось в дверном проеме:

— Слава Реке, окно я нашел, но оно слишком маленькое, не пролезть. А дверь с черного хода разрушена, там тоже никак.

Баир переступил через порог и, озирая разгром расширившимися глазами, выдохнул:

— О Река...

— Кто, по-твоему, это сделал? — спросила я, следя за его взглядом.

Он покачал головой.

— Мародеры?

— Не похоже, чтобы здесь было что грабить.

— Ну уж точно не патрульные. Они бы тело не оставили.

Я кивнула, хотя до конца в это не верила. Никто в нашей деревне не стал бы грабить мертвых. Так поступают только Империя и Цитадель, которая на нее работает.

Баир встал рядом со мной. На его лбу блестела легкая испарина после попыток пролезть в дом с черного хода.

Пока мы шли сюда, я начала беспокоиться, что парню не хватит сил поднять тело на носилки, которые они с Сафией смастерили. Плечи худые, ноги словно его одного едва держат, куда там еще кого-то поднять... Но, когда мы подошли ближе к видневшемуся в лунном свете телу Гассана, беспокойство отступило.

Он был *слишком маленьким*.

Слишком маленьким, чтобы быть тем Гассаном, которого я знала. Штаны и изорванная туника едва не сваливались с иссохшего тела. Горечь обожгла горло, желудок скрутило, меня прошиб холодный пот. Я задрожала, прижав руки к животу в жалкой попытке не развалиться на куски. В голове снова всплыла картина: гремит выстрел, тело отца падает в грязь, мать держит меня, не дает к нему подбежать. Потом — все те минуты, когда я представляла ее мертвой после того, как она ушла: изуродованное тело плывет вниз по Реке, и никто не заберет его. Я обхватила пальцами правое запястье, нащупывая призрак ее браслетов. Не впервые приходилось жалеть, что нельзя носить их открыто, чтобы хотя бы помнить о ней.

Это могло бы помочь и теперь, когда меня чуть не вырвало прямо на пол разоренного дома Гассана. Выкапывать реликвии

по ночам и устраивать набеги на древние гробницы фаз — совсем не то же, что увидеть мертвеца вблизи.

Баир быстро накрыл тело простыней, бросив на меня обеспокоенный взгляд, словно знал, что я вот-вот сорвусь. А я, не в силах отвести глаза, смотрела на неестественно натянутую бронзовую кожу лодыжки Гассана, торчащей из-под простыни.

— Давно он здесь? — выдавила я наконец, чтобы хоть как-то взять себя в руки.

— Несколько дней, но это первая ночь, когда поблизости нет патрульных Цитадели. — Баир посмотрел в открытую дверь, на темную улицу за ней. — Завтра могут вернуться. Дежурства у них в последнее время непредсказуемые.

Иными словами, хоронить Гассана нужно было сейчас.

Баир принялся сооружать носилки: скреплял шесты лоскутами ткани, обматывал маленькой простыней. Закончив, он положил это узкое ложе в углу, рядом с телом.

Я отступила, сжав пальцами складки юбки.

Он поднял на меня взгляд:

— Ты в порядке?

— Я никогда этого не делала, — прошептала я, зная, что скоро придется своими руками поднять труп и отнести в лес, что именно это мне хотелось делать для наших людей, которые умирали от голода на улицах, растоптанные сапогами Цитадели.

И все же меня сковал страх. Что стоит мне прикоснуться к его телу — и я не выдержу.

Я так и не смогла подойти к *бабе*, когда его убили. Не смогла похоронить *амму*, которая, вероятно, тоже умерла вдали от меня. Сколько наших людей погубила Империя? И сколько еще погубит, если я не смогу ее остановить?

Взгляд Баира метнулся к моим дрожащим рукам, потом к лицу.

— Мы с Сафией постоянно это делаем. Я и забываю, что другие не так к этому привычны. Особенно ты. Когда работаешь

на Цитадель, ты всегда собрана, но тебе нечасто доводится видеть наших односельчан такими, правда? Там, наверху, в башне, люди выглядят иначе...

Он не осуждал, просто делился наблюдением. Но от этого слова жалили еще сильнее: он говорил правду. Я работала на Цитадель, пока Баир хоронил тех, кого Цитадель убивала.

Но он не знал, на какой риск иду по ночам я.

Не знал, *что* я выкапываю.

Баир подошел к Гассану, жестом подзывая меня.

— Берись сначала за ноги. Не за лодыжки, а повыше, иначе сломаешь. Когда нижняя часть тела будет на носилках, можно брать за верх.

Я сглотнула ком в горле и сосредоточилась на этих сухих советах. Голос у Баира был размеренный, почти монотонный. Как у старшего исследователя, пересказывающего методику, которую он повторял уже тысячу раз.

Но одно слово зацепило меня.

— *Сломаю?* — Я обошла тело и присела. Тошнота утихла, стоило мне сосредоточиться на практической стороне дела.

Баир указал на носилки:

— Нужно, чтобы почти весь вес пришелся сюда. Тогда остальное поднять легче. Когда человек долго голодал, тело хрупкое. Надо быть осторожнее.

Я кивнула, словно это было обычное дело: лучший друг моей двоюродной сестры учит меня, как правильно поднять труп бывшего коллеги.

Справлюсь.

Я глубоко вдохнула, пытаюсь представить, что это раскопки, что я извлекаю из земли древнюю реликвию, а не передвигаю хрупкое тело человека, с которым работала бок о бок.

Следуя советам, я держала мертвого за ноги, Баир — с другой стороны. Мы работали молча, пока из моего горла не вырвался сдавленный крик: мы подняли носилки, и рука Гассана выскользнула из-под простыни.

Я замерла, увидев, как ужасно выглядит эта безжизненная, с потемневшей кожей рука, свисающая с носилок.

Баир мигом аккуратно убрал ее обратно под простыню. Он не посмотрел на меня. Лицо его не дрогнуло, оставалось каменным, словно его совсем не трогало то, что он прячет под ткань руку мертвеца, как если бы поднял с земли выпавший овощ и положил назад в корзину. Лишь увидев его пальцы, сжатые в кулак так крепко, что костяшки побелели, я поняла: не так уж Баир и спокоен.

Но я заметила кое-что еще, кроме всего этого ужаса.

Нити моей магии все еще цеплялись за Гассана, сплетались вокруг его руки, открывая то, что было скрыто.

Его запястье обхватывала тонкая золотая цепочка с ключом.

Дыхание перехватило, сердце забилось так быстро, что я испугалась, вдруг Баир обернется и уставится.

На руке у Гассана висел золотой ключ.

Явно не от двери его дома: выдавший виды железный замок отпирался бы железным ключом. А этот, сверкающий, с изогнутой резной головкой и витиеватой бородкой, был слишком большим, чтобы вообще подходить к двери какого-либо дома.

А вот к двери хранилища фаз — вполне.

Я попыталась отогнать эту мысль, но она пустила корни в сознании, проросла в разум, пока не заняла его полностью.

Такой вещи не могло быть ни у кого из нашей деревни.

Кроме тех, кто работал на Цитадель и нашел ключ от древнего хранилища.

Но откуда он у Гассана?

Что-то здесь не сходилось. Золотой ключ и цепочка сочетались с иссохшим телом не более, чем пересохшее русло реки с бурлящим поблизости водопадом.

У него было *это* — и он покончил с собой, чтобы не мучиться от голода?